

Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКИЙ

**Очерки гоголевского периода
русской литературы**

Статья третья <фрагмент>

<...> Представив характеристику критической деятельности и отношений к Гоголю Н. А. Полевого и г. Сенковского, мы перейдем прямо к журналам и журналистам, бывшим на стороне Гоголя, не упоминая ни одним словом о некоторых других журналистах, бранивших автора «Мертвых душ». Не считаем также, с другой стороны, нужным беспокоить некоторых невинных журналистов припоминаниями о их простодушных сомнениях в Гоголе: добрые люди давно простили им грех неведения, в котором они находились, а иные из них, быть может, еще и по сию пору находятся, повторяя разные обвинения, вычитанные из статей Н. А. Полевого¹. Таким образом, мы можем, оставив в стороне различных мелких писателей, усиливавшихся подвизаться против Гоголя, перейти к изложению критической деятельности и мнений о Гоголе тех журналистов, которые считали Гоголя великим писателем.

Если б кто, придерживаясь исключительно строго хронологического порядка, решился разрывать тесно связанные между собой факты, при изложении различных мнений о Гоголе, ему пришлось бы начать свой обзор свидетельством Пушкина о достоинствах «Вечеров на хуторе», потому что Пушкин не только первый похвалил Гоголя, но и вообще был первым из всех, в каком бы то ни было смысле заговорившим нашей публике о Гоголе². Поставив себе целью дать не бессвязный хронологический перечень статей о Гоголе, а изложение распространения в литературном мире и в публике понятий о значении Гоголя, мы должны были соединять в одну цельную характеристику все, что было говорено о Гоголе с той или другой точки зрения, соблюдая порядок, в каком одно направление приобрело первен-

ство над другим в литературе. Таким образом, надобно было начать наш обзор суждениями журналистов, бывших представителями направлений, господствовавших в нашей критике до того времени, когда приобрели решительное преобладание «Отечественные записки», которым, в числе других заслуг, принадлежит и честь прочного утверждения в публике справедливых понятий о Гоголе³. Следуя этому плану, нам должно, прежде нежели мы займемся изложением этих ныне господствующих и совершенно разделяемых нами мнений, представить обзор литературных воззрений «Москвитянина», который в продолжение первых двух или трех лет своего существования имел некоторую долю влияния на публику и литературу, пока, отчасти по причине, лежавшим в сущности его собственного характера, отчасти по неудержимо возрастающему влиянию «Отечественных записок», совершенно ослабел. Это решительно обозначилось в 1844, если еще не в 1843 году. После того существование «Москвитянина» было едва заметно в литературе до 1849 или 1850 года, когда «молодая редакция» (термин, употребленный самим издателем) обновила его силы⁴. Мы здесь говорим о мнениях, которые существовали в русской литературе до приобретения «Отечественными записками» совершенного преобладания; потому исключительно говорим о «Москвитянине» первой редакции, — «Старом Москвитянине», если можно так выразиться, и (повторяем слова, сказанные в начале предыдущей статьи) выводы наши нимало не относятся к обновленному, или «новому», «Москвитянину». Но кроме этой краткой оговорки необходима другая, требующая более обстоятельного развития.

Старый «Москвитянин» иногда называли журналом славянофильским. Поводом к этому мнению было то, что из всех существовавших до нынешнего года журналов он по преимуществу, или даже он один, высказывал относительно некоторых вопросов понятия довольно, по-видимому, близкие к славянофильским. Но только в «некоторых вопросах» и только «по-видимому»; в сущности же старый «Москвитянин» был органом г. Погодина и г. Шевырева, как новый «Москвитянин» — органом г. Погодина и г. А. Григорьева. Иногда помещались в этом журнале и чисто славянофильские статьи; однажды (в 1845 году) заведовал им один из славянофилов⁵, но только три или четыре номера журнала в этом году были замечательны, остальные не представляли ничего интересного; а отдельные статьи, являвшиеся изредка в другие годы, не имели влияния на общий характер журнала.

Мы не знаем, много или мало соответствия с своим образом мыслей находят славянофилы в мнениях г. Погодина; но, во всяком случае, это мнения отдельного человека, а не целой школы. Что же касается мнений г. Шевырева, не подлежит сомнению, что гг. Аксаковы, Киреевские, Хомяков не считают г. Шевырева своим. Из этих слов очевидно, что мы не находим особенной близости в характере понятий гг. Шевырева и Погодина, а еще менее возможным считаем присоединять г. Шевырева к славянофилам, и что из нашей характеристики образа понятий г. Шевырева не должно выводить никаких суждений ни о г. Погодине, ни тем более о славянофилах.

Но этого отрицательного указания было бы недостаточно. У многих понятия о г. Шевыреве, о г. Погодине, о славянофильстве так тесно связаны, что для предупреждения ошибочных заключений необходимо точнее определить различие в литературном характере двух редакторов старого «Москвитянина» и высказать определительное мнение о славянофильстве.

Г. Погодин не принимал на себя роли критика художественных произведений, потому о нем здесь мы можем упомянуть только эпизодически: его деятельность как журналиста, ограничивавшаяся статьями или чисто ученого, или публицистического содержания, не входит в границы наших очерков; содержание его статей не касается нашего предмета. Мы обратим внимание читателя только на их изложение. Слог г. Погодина богат странностями, которые подавали даже повод к забавным пародиям. Но невозможно не признаться, что точность, меткость, оригинальность, непринужденность, сжатость, энергия, совершенная естественность составляют неотъемлемые его качества. Нельзя также не прибавить, что наблюдательность, проникаемость, отсутствие всякого педантизма, строгая логика в развитии мыслей и вообще замечательная сила здравого смысла — неизменные достоинства всего, что было написано господином Погодиным. Мы не принадлежим к числу его поклонников, — но справедливость требует назвать его ученым основательным; и самые противники его согласятся, что он оказал своей специальной науке — русской истории — значительные услуги. Та же справедливость требует сказать, что в его любви к науке нет ни жеманства, ни притворства, что он защитник просвещения и что как бы ни казались нам странны некоторые его мнения, но никто не может и подумать назвать его обскурантом. Этого достаточно, чтобы вынудить у каждого здравомыслящего человека сочувствие к нему во многих случаях и во всяком случае обеспечить ему право на уважение.

Мы никогда не разделяли и не чувствуем ни малейшего влечения разделять мнения славянофилов*, но по всей справедливости должны сказать, что если понятия их и надобно признать ошибочными, то нельзя не сочувствовать им как людям, проникнутым сочувствием к просвещению. Отчасти в увлечении жаром полемики, еще более потому, что смешивали истинных славянофилов с людьми, которые пустоту и кичливость своих мнений прикрывают напыщенными родомонтадами⁶ на отрывочные и непонятные мысли, заимствованные напрокат у славянофилов, эту школу обвиняли во вражде к науке, в обскурантизме, в стремлении возратить Россию «ко дням Кошихина» и т. д. Упреки эти делались не по слепой ненависти, не по желанию взвести на противников предосудительную небывальщину, а по искреннему убеждению в их справедливости; но они несправедливы, — по крайней мере, относительно таких людей, как гг. Аксаковы, Кошелев, Киреевские, Хомяков, решительно несправедливы. Горячая ревность к основному началу всякого блага, просвещению, одушевляет их. Нет нужды лично знать их, чтобы быть твердо убежденну, что они принадлежат к числу образованнейших, благороднейших и даровитейших людей в русском обществе; а эти качества достаточно ручаются за чистоту и возвышенность их намерений. Считаем излишним прибавлять, что личный характер каждого из этих людей выше всякой укоризны. Кто знаком с славянофилами только по полемике, которую некогда вели петербургские журналы против старого «Москвитянина», тот их не знает. Мы не возьмем на себя смелости от своего лица излагать перед читателями полную систему их убеждений, как мы их понимаем: система эта представляется нам не во всех пунктах достаточно ясною, и мы не хотим подвергаться опасности ввести читателей в заблуждение; вернее будет, если мы представим извлечение из статьи г. И. Киреевского «О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России»**. Она пока остается едва ли не лучшим выражением славянофильства. Мы будем совершенно строго держаться собственных слов автора.

---

* Мы употребляем это имя, как наиболее всем известное; но нам кажется, что, будучи придумано в то время, когда мнения лучших последователей школы были еще мало известны, оно не имеет в настоящее время никакого внутреннего смысла. Мы готовы с удовольствием заменить его другим, какое будет нам указано самими последователями мнений, о которых идет речь.

** Московский сборник. 1852. С. 1—68.

Еще не очень давно то время, когда вопрос об отношении русского просвещения к западному был почти невозможен или разрешался так легко, что не стоило труда его предлагать. Тому тридцать лет едва ли можно было встретить мыслящего человека, который бы постигал возможность другого просвещения, кроме заимствованного из Западной Европы. Общее мнение было таково, что различие между просвещением Европы и России существует только в степени, а не в духе или основных началах образованности. У нас (говорили тогда) было прежде только варварство: образованность наша начинается только с той минуты, как мы начали учиться у Европы. Оттого там учителя, мы — ученики.

Но с тех пор в просвещении западном и в просвещении русском произошла перемена. Европейское просвещение достигло той полноты развития, где его особенное начало выразилось с очевидной ясностью. Результатом этой полноты развития, ясности итогов было общее чувство недовольства. Правда, науки процветали, внешняя жизнь устраивалась благоприятно. Но жизнь лишена была своего существенного смысла, ибо, не проникнутая никаким общим, сильным убеждением, она не могла быть ни украшена высокою надеждою, ни согрета глубоким сочувствием. Анализ разрушил все основы, на которых стояло европейское просвещение с самого начала своего развития. И с тем вместе этот анализ, эта логическая деятельность, этот отвлеченный разум дошел до сознания своей ограниченной односторонности. Он убедился, что высшие истины ума, его существенные убеждения лежат вне отвлеченного круга его диалектического процесса. Этот результат европейской образованности выражен передовыми мыслителями Запада. Теперь западному человеку остается или ограничиться равнодушием ко всему, что выше чувственных интересов, — но это неестественно и унижительно, или возвратиться к тем отвергнутым убеждениям, которые одушевляли Запад прежде конечного развития отвлеченного разума, — но эти убеждения уже разрушены. Потому-то почти каждый, чтоб избегнуть этой мучительной пустоты, начал изобретать в своей голове для всего мира новые общие начала жизни и истины, мешая старое с новым, возможное с невозможным.

У нас большая часть людей, следивших за явлениями европейской жизни, убедившись после этого в неудовлетворительности европейской образованности, обратили внимание свое на те особенные начала просвещения, не оцененные европейским умом, которыми прежде жила Россия и которые теперь еще за-

мечаются в ней помимо европейского влияния. Эти основные начала, которых мы не замечали прежде по пристрастию к западной образованности и безотчетному предубеждению против своей старины, представлявшейся варварскою, совершенно отличны от тех элементов, из которых составилось просвещение европейских народов.

Основными элементами в развитии Западной Европы были: Римская церковь, древнеримская образованность и государственность (общественное устройство), возникшая посредством завоевания и из борьбы побежденных с победителями. Все эти три элемента были совершенно чужды древней России. Она приняла христианство из Византии, древнеязыческая образованность переходила к ней уже сквозь учение христианское, русское государство основалось и утвердилось самобытно, не испытав завоевания.

Развитие элементов западной образованности обнаружило их неудовлетворительность и односторонность. Потому нам нужно прилепиться к своим основным элементам образованности, исчисленным выше, гораздо полнейшим и плодотворнейшим. Тогда возможна будет в России наука, основанная на самобытных началах, отличных от тех, какие нам предлагает просвещение европейское. Тогда возможно будет в России искусство, на самородном корне расцветающее. Тогда жизнь общественная в России утвердится в направлении, отличном от того, какое может ей сообщить образованность западная.

Однако же, говоря: «направление», я не излишним считаю прибавить, что этим словом я резко ограничиваю весь смысл моего желания. Ибо, если когда-нибудь случилось бы мне увидеть во сне, что какая-либо из внешних особенностей нашей прежней жизни, давно погибшая, вдруг воскресла посреди нас и в прежнем виде своем вмешалась в настоящую жизнь наяву, то это видение не обрадовало бы меня. Напротив, оно испугало бы меня. Ибо такое перемещение прошлого в новое, отжившего в живущее, было бы то же, что перестановка колеса из одной машины в другую, другого устройства и размера: в таком случае или колесо должно сломаться, или машина. Одного только желаю я... чтобы эти высшие начала, господствуя над просвещением европейским и не вытесняя его, но, напротив, обнимая его своею полнотою, дали ему высший смысл и последнее развитие.

Из читателей, которые не принадлежат к числу записных последователей славянофильства, очень немногим понравятся эти выписанные нами места, если только они потрудятся вни-

мательнее всмотреться в смысл основных мыслей и подумать о выводах, до которых могут и должны привести эти основания, будучи логически развиты. А тем, которые читали самую статью г. И. Киреевского, она, без сомнения, понравилась еще гораздо менее, нежели наше извлечение: в ней слишком ярко выставлены на первый план иные слишком сомнительные тезисы, которые мы почли удобнейшим сделать едва заметными в нашем изложении, потому что у других славянофилов они действительно не играют особенно важной роли; мы старались извлечь из статьи г. Киреевского общие всей школе положения, а не принадлежащие лично автору преувеличения тех или других мнений школы. Другие, может быть, сообщили бы этим тезисам развитие более обольстительное, и сам г. И. Киреевский в других случаях говорит гораздо завлекательнее. Чтобы дать пример этого, укажем на его статью «Обозрение современного состояния словесности». Специальный смысл ее, по нашему мнению, также существенно несправедлив, и многие факты также приведены или поняты ошибочно, — да иначе и быть не могло, иначе она была бы помещена не в «Москвитяине» 1845 года, иначе не явился бы и «Московский сборник» с статьею И. Киреевского; но дело не в том: мы указываем на «Обозрение современного состояния словесности» с целью выставить на вид, что в этой статье очень много есть мыслей верных и прекрасных. Ее введение, представляемое нами в выноске, достаточно убедит в этом читателя. А превосходное заключение статьи послужит для нас наилучшим заключением эпизода о славянофильстве.

Но возвратимся к статье «Московского сборника» и рассмотрим главные положения, из которых развита система воззрений, в ней изложенная. Существеннейшим основанием всему служит в ней аксиома: западная цивилизация оказалась неудовлетворительною и одностороннею. Анализ показал, что элементы, из которых она развивалась, односторонни, и не дал новых оснований для жизни и убеждений. Да откуда же известно все это? Уж конечно, не из творений тех «передовых мыслителей», на которых ссылается автор. Они говорят совершенно противное: анализ их показал новые основания для жизни и убеждений; они вовсе не находят, чтобы западная цивилизация дошла до своего «полного развития»: напротив, они утверждают, что нравственные науки еще только начинают развиваться, общественные отношения тоже, приложенная наука к жизни — тоже, и за что ни возьмись — то же самое; все отрасли знания (исключая чистую математику и астрономию, которые уже до-

стигли очень высокой степени совершенства), все сферы жизни находятся еще в первых периодах развития, быстро развиваются и через сто, даже через пятьдесят лет далеко уйдут вперед по пути развития. Одним словом, Запад — не человек преклонных лет, который говорит: «Карьера моя уже сделана, и сделана неудовлетворительно: увы! жизнь моя шла по ложному пути; а начинать новую жизнь мне уже не под силу... увы, увы!» Нет, Запад — юноша, и юноша еще очень молодой и свежий, который (устаами своих «передовых мыслителей») говорит: «Кое-что (и довольно много) я знаю; но очень многому мне еще остается учиться, я еще горю жаждою большего знания и учусь довольно успешно. Я не совершенно неопытен; но мне еще нужно приобрести гораздо более опытности. Моя карьера только что еще начинается, я едва еще только начинаю отгадывать, что такое жизнь и как устроится моя жизнь. Мне еще остается много трудиться, чтобы обеспечить себе прочное, безбедное существование; но трудиться я готов: силы у меня довольно, и, пожалуйста, не отчаивайтесь за мою будущность: я уже имею некоторые верные залогов того, что моя будущность мало-помалу устроится довольно хорошо». — Вот что говорит Запад устаами своих «передовых мыслителей». Возьмите французского, немецкого, английского ученого, все равно, лишь бы только он был человек умный и дельный: каждый из них скажет вам то же самое.

Откуда же взялась у нас (да и у некоторой части западной публики) мысль, или, лучше сказать, не мысль, а мелодраматическая фраза о том, что Запад дряхлый старец, который извлек из жизни уже все, что мог извлечь, который истощился жизнью, и т. д.? Да все из разных западных же пустынь или ту-поумных книжонок и статей, потому что, нечего греха таить, и на Западе много сочиняется пустых книжек и статей, по крайней мере, по десяти на одну дельную, все равно как и у нас, на одну умную статью г. И. Киреевского приходится по крайней мере десяток жалких статей, написанных на ту же, по видимому, тему, но написанных педантами или людьми ограниченными. По преимуществу эти унылые книжки и статейки пишутся на французском диалекте; главные богадельни для этих беззубых воздыханий — различные «Revue des deux Mondes», «Revue Contemporaine», «Revue de Paris» и газеты с фельетонами. Пишутся они отчасти французскими Маниловыми, отчасти французскими Чичиковыми, потому что, опять нечего греха таить, во Франции, как и повсюду, есть свои Маниловы и Чичиковы, отчасти людьми плутоватыми, отчасти добродушными, но вообще людьми отсталыми. Основание для вздохов и

охов о бедной европейской цивилизации, о погибающей Европе — то, что они по поверхностному простодушию не могут или по расчету не хотят понять строгих, но благих идей современной науки, выраженных «передовыми мыслителями». Для низших слоев публики, упивающихся переводами дюмазовских романов, эти книжки и статейки в огромном количестве переводятся и на немецкий язык. Впрочем, и немецкие Маниловы фабрикуют подобные книжки и статейки в изрядном количестве и качестве, потому что Германия, довольно скудная Чичиковыми, преизобилует Маниловыми. Переводятся и переделяются они также и в Англии, но в меньшем количестве, потому что англичане мало расположены к маниловщине, как народ сухой, а Чичиковы там заняты биржевыми и фабричными проделками. Читая воздыхания людей, поневоле впадешь в тоску об участи европейской литературы, науки, цивилизации и т. д., все равно как, перечитывая в старом «Москвитянине» статьи г. М. Дмитриева, г. А. Студитского, г. Шевырева и т. д., мы впадали в совершенную тоску об участи русской науки, литературы и т. д. Но мы извиняемся, по крайней мере, необходимостью пересмотреть старый «Москвитянин» для дела, которым теперь занимаемся; а кому какая необходимость читать произведения Сент-Бева, Филарета Шаля, Сен-Рене-Тальяндье, Луи Ребо, Мишеля Шевалье и т. д., и т. д.? Тут уж совершается чисто произвольный грех. Зато и наказание за этот грех посылается тяжкое: оплакивать скоропостижную дряхлость и безнадежную гибель целой части света! Чтобы составить себе справедливое понятие о современном состоянии европейской науки и цивилизации, надобно действительно изучать его в произведениях «передовых мыслителей» Запада. И кто поймет значение их трудов, тому общий вопрос о Европе и об отношении России к Западной Европе представится столь же простым, как представлялся, по мнению автора, тридцать лет тому назад. А в частности он будет думать о старинной Руси точно так же, как думал о ней Петр Великий, который очень близко, кажется, знал ее по собственному опыту. Относительно понятий о различии основных элементов старинной русской жизни от элементов жизни западной он также будет судить очень скромно, потому что современная европейская наука хотя и не занималась специально разработкою русской старины, но достаточно уяснила вопросы об исторической жизни многих других народов, которые находились или находятся в положении, очень похожем на состояние допетровской Руси, или имели на старинную нашу жизнь влияние. Результаты исследований наших соб-

ственных ученых о нашей старине совершенно подтверждают справедливость общих понятий современной науки о тех специальных элементах, присутствие которых в старинной Руси кажется автору столь важным и оригинальным. Кстати, невозможно сомневаться в том, что славянофилы говорят об этих элементах без непосредственного знакомства с объяснениями и взглядами лучших специалистов наших и европейских. По всему очевидно, что они представляют себе эти элементы не в том истинном виде, как они излагаются в специальных сочинениях, а сообразно своим личным понятиям, — понятиям дилетантов, не углублявшихся в тяжелые специальные сочинения, а узнавших о содержании этих сочинений из рецензий, писанных людьми отсталыми.

Кроме главной мысли об односторонности западной цивилизации и неспособности ее к дальнейшему развитию, — мысли, навеянной журналами вроде «Revue des deux Mondes», — есть еще другая основная мысль в системе славянофилов — одностороннее пристрастие к своему. Чувство любви к своему хорошо; но оно должно быть проверяемо анализом фактов. Мы долго придумывали, как бы объяснить это удовлетворительным образом, но вспомнили, что очень удовлетворительно объяснен этот вопрос в стихотворении г. Хомякова (Московский сборник. 1852. С. 141):

«Мы род избранный, — говорили
Сиона дети в старину, —
Нам Божьи громы осушили
Морей волнистых глубину.

Для нас Синай оделся в пламя,
Дрожала гор кремнистых грудь,
И дым и огонь, как Божье знамя,
В пустынях нам казали путь.

Нам камень лил воды потоки,
Дождили манной небеса,
Для нас закон, у нас пророки,
В нас Божьей силы чудеса».

Не терпит Бог людской гордыни;
Не с теми он, кто говорит:
«Мы соль земли, мы столб святыни,
Мы Божий меч, мы Божий щит!»

Не с теми он, кто звуки слова
Лепечет рабским языком
И, мертвенный сосуд живого,
Душою мертв и спит умом.

Он с тем, кто гордости лукавой
В слова смиренья не рядил... и т. д.

Вообще должно сказать, что славянофильство навеяно к нам с Запада: нет ни одной существенной мысли в нем (решительно *ни одной*), которая не была бы заимствована из некоторых второстепенных французских и немецких писателей, преимущественно из писателей, недовольных тем, что их различные отсталые понятия или наивные ожидания не подтверждаются наукою. Но известно, что многое уже ненужное в одной стране еще может приносить некоторую пользу в некоторых других странах. Многие понятия, сделавшиеся в своем отечестве уже совершенно отсталыми, нимало не основательными, в других странах еще могут получить достоинство относительной свежести и основательности, потому что противопоставляются мыслям, еще более отсталым, еще менее основательным, могут иметь интерес живости и новости и в этом качестве возбуждать деятельность ума, направлять его к дальнейшим успехам, — одним словом, приносить пользу. Объяснимся примером. Для Германии уже устарели системы Канта и Шеллинга, когда Кузен переделал их для Франции; но во Франции они были еще новостью и, несмотря на то, что искажены были в переделке, принесли довольно значительную пользу. И наоборот, многие сочинения, уже устарелые для Франции, приносили свою пользу в Германии, будучи переводимы или переделываемы на немецкий язык. Так надобно смотреть и на наше славянофильство. Оно основано на заимствовании мыслей, устаревших на их родине; но у нас эти мысли могут еще для очень многих иметь новизну, возбуждать деятельность ума, приносить пользу. Не говорим уже о том, что они живительно действуют на развитие в нашей литературе действительно современных мыслей, вызывая противодействие.

Но мало сказать в оправдание славянофильству, что оно приносит относительную или отрицательную пользу. Есть в нем некоторые стороны и безусловно хорошие. Посредственные французские или немецкие писатели, которыми оно навеяно, конечно, сами не могли бы придумать ничего особенно хорошего; зато они мало и придумали своего: почти все у них взято из писателей действительно хороших. Правда, многие из книг, откуда они почерпали, слишком заплесневели от ветхости; но кое-что, и даже довольно многое (преимущественно критика всех пережитых современною наукою и жизнью ступеней развития), заимствовано из современных гениальных писателей.

Правда, они иногда порядочно искажают заимствуемые гениальные мысли, но все-таки не все живое стерли с них. Правда, эти свежие мысли вплетены в систему, сущность которой довольно ветха; но новые заплатки на ветхом платье тем ярче блестят свежестью своих красок, — они безобразят самое платье, но сами по себе еще больше выигрывают от его безобразия. Если бы в посредственную повесть какого-нибудь дюжинного беллетриста была вставлена глава из «Мертвых душ», повесть в целом стала бы вдвое безобразнее, но прелесть отрывка из «Мертвых душ» была бы — хотя бы он был даже отчасти переделан к худшему — вдвое поразительнее в этой повести, нежели в самих «Мертвых душах». И скажите, разве было бы бесполезно прочитать эту повесть человеку, который еще не имел (и, быть может, долго не будет иметь) случая прочитать «Мертвые души»? И не бойтесь продолжительности его заблуждения: так или иначе, но он услышит, что отрывок, ему понравившийся, заимствован из Гоголя, и тогда никто его не удержит от чтения самого Гоголя. Есть люди требовательные, неуступчивые, которые говорят: «Все или ничего, клочки и обрывки никуда не годятся»; но иногда самый требовательный человек видит себя в необходимости с благоразумною уступчивостью говорить: «Лучше хлеб с мякиной, нежели совершенно ничего».

Это о положительном содержании славянофильства. Что же касается его стремлений, нельзя не отдать ему полной справедливости. В извлечении статьи г. Киреевского «О характере просвещения Европы» последние строки, отмечены у нас вносными знаками, выписаны нами без всяких перемен и составляют заключение в самом подлиннике: истязуйте эти строки как хотите, но вы не можете найти в них вражды к просвещению; напротив, они внушены горячею ревностью к просвещению и к улучшению русской жизни. Можно и должно не соглашаться с почтенным автором в средствах к достижению, но нельзя не признаться: цель его — цель всех благомыслящих людей.

Можно отыскать и много других хороших сторон в славянофильстве; но мы боимся, что уже утомили читателей слишком длинным отступлением. Потому скажем только, что для развития той части русской публики, которая им увлекается, эти убеждения гораздо более полезны, нежели вредны, служа переходною ступенью от умственной дремоты, от индифферентизма или даже вражды против просвещения к совершенно современному взгляду на вещи, к совершенному разрыву с нашей старинной бездейственностью и холодностью в деле общем. Потому-то люди, которых в насмешку называли «западниками», и

славянофилы, несмотря на жаркие споры между собою, были сподвижниками в одном общем стремлении, которое тем и другим было в сущности дороже всего остального, что их разделяло. Что же касается этих пунктов несогласия, мы изложили о них мнение, которое кажется нам справедливо, и можем прибавить только, что довольно было бы выставить на вид основные мысли, например, из приведенного нами в выноске начала статьи самого г. И. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности», — и эти его собственные понятия обличили бы несправедливость его выводов относительно дряхлости западной цивилизации. Но к чему это? лучше будет окончить наш эпизод о славянофилах превосходным заключением, которое дал г. Киреевский своей статье о современном состоянии словесности:

«Мы думаем, что все споры о превосходстве Запада или России, о достоинстве истории европейской или нашей и тому подобные рассуждения принадлежат к числу самых бесполезных, самых пустых вопросов, какие только может придумать правдолюбие мыслящего человека. И что, в самом деле, за польза нам отвергать или порочить то, что было или есть доброго в жизни Запада? Не есть ли они, напротив, выражение нашего же начала, если наше начало истинное? Вследствие его господства над нами (*то есть господства этого истинного начала*) все прекрасное, благородное, по необходимости нам свое, хотя бы оно было европейское, хотя бы африканское. Голос истины не слабеет, но усиливается своим созвучием со всем, что является истинного, где бы то ни было» (Москвитянин. 1845. № 2).
<...>

